

Нонна МОРДЮКОВА:

Коме правда - 1995 - 13 янв. - с. 21.

У МЕНЯ БЫЛ РОМАН НЕ ТОЛЬКО
С НИКИТОЙ МИХАЛКОВЫМ

- Вы занесены в британскую энциклопедию кино как одна из великих актрис XX века. Чувствуете себя великой?

- Когда об этом объявили по телевидению, я была минут пять изумлена от неожиданности. Конечно, приятно. Стала выяснять, что это за энциклопедия, кого туда заносит. Кроме меня, наших там еще две актрисы - Раневская и Анджапаридзе.

- И как вы себя чувствуете в их компании?

- Они очень великие актрисы были по уму. Раневскую немного знала. Каждое ее слово надо было ловить, записывать. Многое осталось в людях. Если кто-то займется и запишет ее рассказы - будет книжечка «на разрыв». Еще на первом курсе института услышала о ней знаменитую легенду. Эйзенштейн собирался снимать вторую серию «Ивана Грозного». Предложил ей там роль. Она прочитала сценарий и сказала: «Лучше буду шкуру с задницы продавать, чем сниматься в этой роли». Узнав об этом, Эйзенштейн в ответ прислал ей телеграмму: «Продавай шкуру. Твой Сергей».

- Правда, что вы живете очень скромно, в однокомнатной квартире?

- Я не одна так живу. Есть, конечно, выбиваются среди нас, но с какими трудностями. Я этого испытывать не хочу. Мне интересны трудности только в момент творчества, а материальное никогда не увлекало. Чтобы машину купить, например, надо жить под карандашик, на всем экономить. А у меня вольная душа, жить под карандашик не хочу. Все у меня хорошо. Если чего-то не хватает, соглашусь на концерт, творческую встречу. Сейчас платят прилично. В общем, я живу не так, чтобы богато, но и не бедно.

- Раневскую при жизни так понастоящему и не оценили. А у вас счастливая актерская судьба?

- Я родилась в колхозе, выросла среди простого народа. И на экране мне было суждено играть народные характеры. Я их лучше понимаю, люблю только такие роли. И не верю, что можно сыграть и царицу, и колхозницу. У меня все-таки ограниченное творческое поле.

- И что, никогда не мечтали сыграть какую-то великую роль, например, Клеопатру?

- Это все глупые мечты. Ну и ложись с этой мечтой в кровать, и думай о ней, просыпаясь. Все бесполезно. Вот если муж режиссер, надо чтобы он тебя и снял в роли, о которой мечтаешь. Я никогда не огорчалась, когда мне не предлагали какую-то роль.

Значит, режиссер так считает. А я режиссеру, как Богу, верю.

- Судя по такому замечательному фильму, как «Родня», у вас был такой роман с Никитой Михалковым?

- Не только с ним. И с Чухраем. С покойными уже Салтыковым, Москаленко. Творческих романов было немного, но они мне доставили огромное счастье, а сами фильмы принесли большую известность.

- Картина Аскольдова «Комиссар» пролежала на полке многие годы. Это вас мучило?

- Мучило, но не так, как его, Аскольдова. У актеров порода такая. Отняли у тебя, оскорбили, ты отхлебался, умылся, выпрямился и вперед. Я потом уже и позабыла про этот фильм. Насторогала много ролей интересных. А Аскольдова как заклинило. Он так обиделся, настрадался во время этих хождений по кабинетам, что до сих пор ничего, моему, больше не снял. Я его считаю гениальным режиссером.

- А вы никогда не пробовали играть в театре?

- Нет. Это другой, сложный вопрос. Я не хочу говорить об этом.

- Режиссерам трудно с вами работать?

Предлагали мне и аристократок играть, но я всегда отказывалась. Нет аппетита на это, у меня не та кровь течет. Вот в доме, где живу, дружу с женщиной-прорабом. У нее трое детей, муж на автобусе работает. Это мой народ. Мне с ними хорошо.

- Есть довольно распространенное непонимание нашей профессии. Трудно - нетрудно, нашел актер общий язык с режиссером - не нашел. К чему это всем знать. Бывает, с ходу работа идет радостно, поняли друг друга, а бывает, и нет. Вот с Чухраем в картине «Трясина» мы долго страдали, пока не нашли образ моей героини. Сейчас о нашей профессии стали без конца рассказывать. А раньше она была тайной. И незачем зрителю знать, как мы и что делаем.

- Говорят, вам предлагали роль хозяйки публичного дома сыграть?

- Для меня такие роли неприемлемы. Я тогда совсем не буду работать в кино. Пусть лучше меня люди запомнят такой, какой я была в «Русском поле», «Бриллиантовой руке», «Простой истории». Меня не пугает, если я больше не буду работать. Есть концерты, творческие встречи. Ни один кинофестиваль без ме-

ня не обходится. Книгу вот пишу.

- А о чем ваша книга?

- Все, что было в жизни со мной, с окружающими меня людьми. Это не просто автобиография. Дома полная коробка всяких записочек, которые я еще с детства вела. Правда, планов публиковаться у меня не было. Я раньше вообще с неуважением относилась к тем, кто пишет из неписателей. Когда вот снималась в «Простой истории», мне немного нравился Вася Шукшин. Однажды он меня вдруг вызывает на крыльцо. Все, думаю, наконец-то признается в любви. А он мне и говорит: «Знаешь, я задумал книгу о Степане Разине». Думаю: «Ой, дурак какой...» И как-то сразу перестал он мне тогда нравиться.

- А что для вас значат кинофестивали?

- Дома, в Москве, и быт, и читка сценариев, все заедает. А тут, на фестивалях, все в кучке, общаемся. На прошлом «Кинотавре» меня увидел Меньшов и пригласил в свою комедию «Ширли-мырли». А не появись я там, вряд ли бы ему в голову пришло снимать меня. Взял бы, наверное, другую актрису. Фестиваль - это провокация на рабо-



за фильм благодарил. А один западный режиссер предложил сняться в Голливуде в фильме «Гроздь гнева». На английском языке. Я не захотела. Текст роли собирались писать русскими буквами на английском языке. И что, я буду заглядывать в эту записочку? Это же как спутанный конь. Не жалею.

- Что вам помогает в этой смутной тяжелой жизни?

- А у меня нет тяжелой жизни. Ничего такого несчастного. Шесть братьев и сестер, друзья, повидалась с ними - вот и хорошо. С концертом съездила. Лишь бы здоровье было. Я только душой болею и плачу о тех людях, которые сейчас сухими губами едят только хлеб с солью или постным маслом. Я езжу, вижу. Они трудно живут, умирают с голода. А что мне, барыне?! Если бы все так жили, как я, то любую смуту можно пережить.

А о политике говорить не буду. Разочарована, пустая в душе, когда вижу, что сейчас происходит. И не понимаю. Зачем смакуют по телевидению все это: кровь, трупы, размазанные мозги человека... Раньше люди шли на похороны только затем, чтобы увидеть мертвого человека, а что теперь?!

- Вам жалко того, советского времени?

- Мы сейчас ездим по стране и плачем. Мы так и остались. Нас никто не смог разьединить. И народ не собирается расставаться. Это там наверху все играют...

Николай ЕФИМОВИЧ.

(Наш корр.).

13.1.95.

Мордюкова Нонна